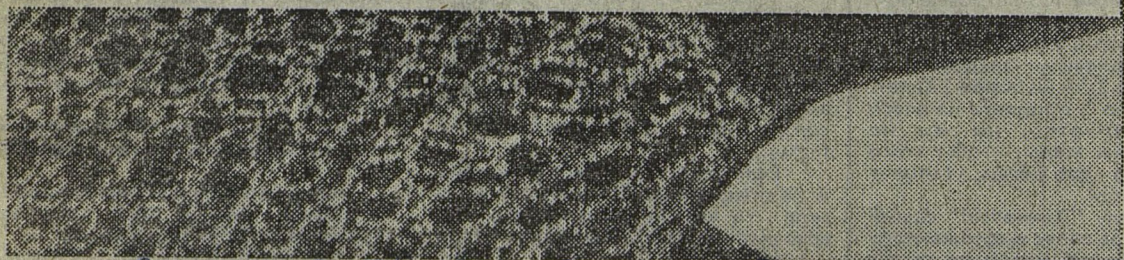

Наталья Медведева

"Я РЕЮ ЗНАМЕНОМ"

Смелая. - С. 170. - 1994 - 24 дек. - с. 3

Для Наталии Медведевой — русской парижанки, писательницы, модели-фотографии, одной из самых ярких фигур в литературно-художественной жизни Москвы и русскоязычного Парижа, «анфан террибль» столичного бомонда — уходящий год был наполнен, как она сама выражается, делами «закулисиными». То есть: подготовкой книг, музыкальных проектов — и все это здесь, в России, где Наталия задержалась на целых девять месяцев. Приехав в Москву в апреле, она лишь сейчас отправилась в Париж, на Новый год. А перед этим заглянула в свой родной Питер — провести маму и вычитать гранки своего сборника стихов, который через месяц выйдет в издательстве «Искусство».

Целая серия книг прозы Медведевой готовится к изданию в Харькове (включая как уже известные нашему читателю романы «Отель «Калифорния» и «Мама, я жулика люблю», так и неизвестные — «Моя борьба», «Любовь с алкоголем», «В стране чудес», а также — повести, рассказы, пьесу «Дневник Марго Фиорер»). В Москве же Наталия Медведева успела записать альбом собственных песен — одну из них, «На станции Токсово», многие помнят по «клипу» в шолоховском «Тихом Доме». И, наконец, еще один альбом — «Париж. Кабаре рюс» (с песнями Вертинского, Петра Лещенко, русскими романсами) — появился в виде компакт-диска и компакт-кассеты совсем недавно. Записан был альбом еще в Париже, в акустическом сопровождении (две гитары, бас-балалайка, аккордеон; музыканты — парижане русского происхождения, давние коллеги и друзья Наталии), издан — московской фирмой «ЗвукОреки», изготовлен в Австрии.

— Наташа, на компакт-диске я вижу два посвящения. «В память о значающе-роскошных «кабаре рюс» Парижа и Сингапура, Цюриха и Сен-Моритца, Лос-Анджелеса и Нью-Йорка, где я имела счастье и несчастье петь эти песни». И еще: «Моему Лимонову, мужу, за блины, которые он пек мне, когда я прибегала из «Распутина» в три часа ночи». Имеются в виду натуральные блины, это не шутка!

— Натуральные, экологически чистые блины!

— Лимонов и это еще умеет!

— Да... Помимо щей он хорошо делает блины!

— Презентация диска где-нибудь прошла?

— Я выступила в московском «Пилоте», в каких-то других местах. Но это мало замечено было. Все заведения, где сегодня можно нормально выступить, — супердорогие, для совершенно определенной категории людей. Либо это совсем соплявая молодежь, танцующая под «техно», либо... ну, бандюги там или бизнесмены. И при этом они такие все дохлые — и бандюги, и бизнесмены, им, по-моему, совершенно наплевать на все! Вообще, входя, например, в прекрасный совершенно клуб, который в Театре Станиславского на улице Горького открыли, — вижу, что там очень мило, симпатично, но такие люди скучные! У них такие физиономии, что и не хочется даже петь... Конечно, можно сделать рекламную кампанию, чтобы привлечь людей, знающих меня или представляющих себе, что это за вечер будет... Но вообще это все ужасно скучно! Тут же вот клуб «Метелица», еще в моей юности он существовал на Калининском — Новом Арбате, тогда это было кафе-мороженое, а сейчас — супершикарное, трехэтажное казино-дискотека. Ну вот там, в дискотеке, дюжина блядых сидит, и танцуют они друг перед другом, показывают свои наряды, парики. А мужики все — в казино, внизу, такие здоровенные дядьки

бандитского вида... Ну и что, их волнует, кто там выступает? У них рулетка крутится, разговор идет о ставках в тысячи долларов — кто из них пойдет вверх слушать какие-то песни?

Мне-то казалось, что мои песни должны нравиться всяким там бандитам, потому что в этих песнях есть элемент романтизма. В моем представлении бандит должен любить разные танго... Но бандиты пошли какие-то дохлые. Или слишком деловые.

— Наташа, а второй альбом — с кем из московских музыкантов вы его записывали?

— Это ребята из Подмоскovie, группа «Х. З.» — слышали, наверное...

— Я даже слышал, что второе слово в названии группы расшифровывается как «знает»...

— Вот-вот, если упомянуть эту группу, то сразу возникает определенный образ. Но то, что я с ними делала, ничего общего не имеет с образом «Х. З.» — ни звуковым, ни текстовым, ни вообще эстетическим... Ну чего об этом говорить? Когда альбом выйдет — тогда и поговорим.

— Наташа, а для кого вы поете свои песни? Кто он, идеальный слушатель?

— Ну, конечно, мне проще сказать: да ни для кого я не пою, для самой себя... Когда-то давно, еще в Лос-Анджелесе, в русском ресторане, я могла петь какие-то современные советские песни для ностальгирующих эмигрантов третьей волны — типа «Листья желтые»... Или — «Вот и все, что было...». Ну не хотела я все это петь, мне это было неинтересно, я предпочитала

петь романсы. И играть роль роковой женщины, «фам фаталь». У меня всегда романсы ассоциируются именно вот с этим образом — Марлен Дитрих, Греты Гарбо, Зары Леандер... У меня даже визуальный образ был ко всем этим песням, из фильмов из старых... Какая-то есть в этом магическая притягательность, как на фотографиях старых, довоенных таких, коричневатых...

Я же еще в пятом классе мечтала быть именно такой вот актрисой; лежать на каком-нибудь диванчике, с таким длиннющим мундштуком, и кто-то передо мной ломает руки, умоляет, а я не соглашаюсь: нет! И мужики штабелями падают!.. — как одна из героинь «Девчат» говорила. Вот романсы мне позволяют эту роль играть. В то же время, когда я свои песни пишу и исполняю, то никакой роли не играю уже, это я как бы живу, вот это то, что я есть сейчас. Это свидетельствует, наверное, о раздвоенности моей личности: с одной стороны, мне нравится все такое, ужасно «буржуазное», декадентское, лися на шее, ха-ха, мундштук! Какая-то химическая завивка, «марсельская волна»... И в то же время я хочу быть пикантной или «скинхед», в таких вот бутсах, все разбобнить и разгромить...

— Ну а как одно с другим сочетается в жизни?

— Вот — жива же я перед вами, ха-ха! Значит, сочетается. Ну а что — почему не может быть в человеке таких вот контрастов? Это, может быть, сложно быть для окружающих — ужиться с такими вот переходными, перепадами... — И, наверное, вдвойне тяжело для тех, кто годами это терпит! — Это вы на кого намекаете, ха-ха?

— Сколько уже ваш брак с Лимоновым длится?

— [Торжественно] Мой официальный брак с Эдуардом Вениаминовичем Савенко-Лимоновым длится с января 92-го года.

— А реальный?

— Реальный где-то больше десяти

лет... О-о-о, ужас! Ха-ха! Вот люди, у которых есть какой-то образ Лимонова, как в газетах пишут: скандалист, да? — они, наверное, никак не могут себе представить, чтобы этот скандалист был женат уже больше десяти лет! Вообще вот откуда появилось это — скандалист? — Наташа, ну этот имидж им самим же и создан. Да и «скандалист» — мягко сказано.

— Где и когда он скандалил в России? Он очень последовательный человек, никогда не отклонился от того, что уже было явно заметно в конце 60-х годов в его поэзии. Просто никто, видимо, его не воспринимал всерьез. А вот если бы какой-нибудь критик задался такой целью — проследить его творчество поэтическое, прозаическое и — ха-ха! — политическое... Вы знаете, я всегда говорила Лимонову еще в Америке, что он какой-то чересчур правильный, все у него правильно, прямо с ума сойти можно. А тут говорят — скандалист!

— И все-таки двум таким слишком ярким натурам непросто, наверное, прожить рядом столько лет. Что же явилось залогом этого прочного союза?

— Ну, наверное, в какой-то степени — неослабевающее любопытство друг к другу. Мы друг другу интересны! Причем в слово «интересно» я вкладываю много значений. Но вообще это слишком просто — сказать: вот, нам интересно!.. Есть и свои, конечно, сложности: у меня, как у писателя... ну — моя стопка книг меньше, чем стопка книг Лимонова, ха-ха! От этого, разумеется, возникает... если не зависть, то какое-то чувство неудовлетворенности, несправедливости мира ко мне и так далее...

— Ну и как это чувство можно разрешить?

— Не знаю, сидишь — пишешь! А вообще — женщины же подлые создания, они могут и подлыми способами эти вопросы улаживать... Конечно, а что же? Ха-ха! Но еще дело все в том, что в современном мире все так обустроено, что, собственно говоря, даже не важно — сколько у тебя книг, каковы они, а важно: как ты смотришь в этом ящике, сколько фотографий было напечатано, где, какого размера... Такой вот павлиний хвост... С одной стороны, может, это соответствует какому-то нарциссическому началу каждого художника, удовлетворяет его «эго», но когда это переходит все границы и становится самым важным — то даже как-то обидно. Ну какая разница, что вы там написали — главное, чтобы вас чаще показывали по телевизору!..

— Наташа, вот вы частенько признавались, что все взгляды лимоновские, в том числе и самые жуткие, экстремистские, разделяете. Но в совместных с ним политических акциях вы никогда не участвовали. Почему?

— Ну вообще это, конечно, поверхностно, говорить так — взгляды всегда и во всем разделяла!.. Если долго по этому поводу беседовать, то, может, окажется, что я их совсем и не разделяю! А не принимаю я участия в чем-то — потому что считаю себя не вправе, это его как бы личная жизнь — все эти акции политические, где он выступает исключительно со своих личных, индивидуальных позиций... Я же не лезу в его творчество литературное — почему я должна лезть в его политическое творчество? Я не отношусь к политике как к чему-то исключительно отстраненному от его жизни в литературе. Совершенно нет! И вообще я считаю, что современная политика и должна нести в себе как можно больше элементов творческих — ей так не хватает всего этого! Это ужасно скучно — то, чем занимаются все эти люди, посмотрите на любого. Уж не говорю о том, что они делают — но как они все выглядят! Жутко скучные, страшные, неинтересные типы. Неужели я еще буду слушать, что он говорит, когда мне его видеть тошно? Ни своей эстетикой, ни стилем, ничем! Плюс это все еще оторвано

от реальной жизни, в которой полно эстетики, полно творчества!

— Я припоминаю, Наташа, что вам с Лимоновым в свое время творческой личностью среди политиков виделся Жириновский...

— А он, конечно, казался таким, потому что на фоне всеобщей скуки он выделялся и уже создавал этим самым какой-то ажиотаж. Клоун не клоун, но все равно в нем было что-то такое очень незаурядное, не входило в ряд ожидаемый и предполагаемый. Я помню, смотрела тогда из Парижа «Новости», где визуально Россия представлена была — Жириновский в шапке, сдвинутой набок, орущий на всех языках мира в микрофоны, которые ему суят репортеры, он, конечно, выделялся из массы всех остальных политиков, был куда более оригинален. Другое дело, что Жириновскому, по всей вероятности, не важно, в чем принимать участие, главное — лидировать. Он был и там, и сям, и в издательстве кем-то, и в еврейской организации — был лидером, и еще где-то, теперь здесь... Мне кажется, он принадлежит к типу людей, которые должны быть впереди и куда-то вести, не важно куда, наплевать...

— А Лимонов принадлежит к другому типу?

— Ну!.. У них совершенно разные темпераменты абсолютно.

— Как будет называться ваш поэтический сборник?

— Он будет называться «Я рею знаменем...». Это строка из одного стихотворения. А что, вам не кажется, что я рею знаменем, ха-ха!..

— Кажется. И какого же оно цвета?

— По настроению... Зависит от состояния духа. Охра, наверное, все-таки. Она ближе к крови. Красный, охровый, коричневый... Переходящий в глубокий-коричневый, черный... Такие настроения...

— Красно-коричневый, значит!

— Ну я же добавила — переходящий в черный! Это анархичный такой цвет. Такие вот странные сочетания.

— И с ненормативной лексикой там стихи тоже есть?

— А это что такое?! И что такое «нормативная лексика»?

— Помню, как на прошлогоднем вечере в Доме актера после первого же вашего стихотворения человек пять удалились...

— Да? Ну и Бог с ними... Я вот хочу сказать по поводу издательства «Искусство». Меня там так замечательно приняли, я была окружена такой заботой, что просто обалдела. А когда увидела оригинал-макет, очень красивый, великолепный — была потрясена. Есть в Петербурге такой художник — Давид Плаксин, он настолько замечательно все сделал, что мне теперь кажется, что стихи мои и не заслуживают этого вообще... Сейчас думаю: ну если стихи плохие, так все остальное будет такое красивое, что никто не посмеет даже и сказать ничего.

Вообще, когда я отобрала стихи, в разные годы написанные, мне страшно как-то стало. Чувство стыда возникло и неясности, неудобства. Когда я над прозой работаю — такого нет. Там важен сам процесс ее написания, все остальное — нахождение издателя, корректура, правка, оформление, переговоры, выход книги — уже менее серьезно. А тут — наоборот. Потому что, наверное, поэзия — куда более «внутреннее» дело, чем проза. Ближе — ну я не знаю — к мясу, к крови!.. к чему-то совсем запретному!

— До этого где-нибудь стихи ваши были опубликованы?

— Некоторые были — у Константина Кузьминского, в его многотомнике, в «Мулете Б» у Толстого... Что-то с этой буквой «Б» мне повезло — и у Кузьминского тоже в томе «2 Б». Газета «Завтра» публиковала мои стихи, дважды!

— Наверное, в тех стихах был какой-то политический подтекст?

— Вы знаете, его угадать, если хотите, можно в вашей чашке даже!..

— Наташа, а возможно ли прожить

в России на то, что вам творчество приносит?

— Ну если только очень скромно... Время от времени нужно публиковаться в каких-то дорогих журналах типа «Космополитен».

— Публиковаться в качестве фото-модели?

— Нет, упаси Бог... Что-то для них писать. Ну это мне довольно сложно делать постоянно, потому что они находятся в полной зависимости от западной формулы — делают точно такие же журналы. А это ужасно скучно. Зачем это нужно? Вкладывать такие деньги и издавать такие немислимые журналы, в которых печатаются эти все рекламы западные! Это совершенно иной мир эстетический, не отображающий никак местный мир. Интервенция такая эстетическая со стороны Запада — просто кошмар! Я на говорю, что нужно в русских изданиях исключительно мусорные бачки рисовать, — но есть же какая-то своя собственная иконография городская и эстетика.

— Но она ведь тоже преобразуется — пройдитесь по Невскому...

— Так это все позавно очень и неинтересно, потому что это «дежавю» — я все это вижу в Париже, в Нью-Йорке, и причем в тысячу раз лучше. И вообще это все «кукушкино искусство» называется — как и весь постмодернизм, собственно говоря...

— Что же, когда центр города был запущен — было лучше?

— Ни фига подобного! Помню я прекрасно Невский моей юности, было там очень красиво и замечательно, и красивые молодые люди ходили по нему и девушки... Но всей этой рекламы жуткой не было!

— Наташа, и все-таки почему вы так надолго в России задержались? Что вас сюда так притягивает?

— У меня жизнь, наверное, так устроена, что всегда ценен момент узнавания. Вначале все любопытно в той жизни, которую ты не знаешь. Пошел туда, там тебя приняли или не приняли, ты прорываешься... А когда прошел всюду, куда хотел, — ничто уже не является загадкой, знаешь закулисные этого мира и литературного, и всего остального. После Америки меня многое восторгло во Франции — а теперь уже таким кажется блефом: одни и те же люди, одни и те же критики! Сдохнуть можно... Теперь здесь все надо узнавать заново, все интересно.

И потом, жизнь здесь воспринимается куда более настоящей, аутентичной, ближе к «мясу», задевающей живую ткань нервов, чем жизнь в той же самой Франции, где можно было 150 лет назад предугадать, что будет сегодня, а сегодня, можно предугадать, что будет через три года... Я не хочу сказать, что жизнь должна состоять исключительно из непредсказуемости, но этот элемент необходим — если бы воспринималась все-таки жизнь как творческий процесс. Потому что иначе это будет исключительно работа на рынок, вот рынок непредсказуемости не терпит, там все должно быть известно заранее, продумано...

Главное же еще — живя здесь, ощущаешь связь вообще с историей мировой, а не с какой-то там Францией маленькой и Парижем-городом. А в конечном счете я думаю, что русскому человеку очень важно ощущать в себе, пусть бессознательно, причастность к какому-то историческому процессу. Вот почему, например, столько людей из Америки, Европы, которые, казалось бы, там прекрасно устроены, все равно едут сюда. Я уверена, что вовсе не из желания сделать здесь какие-то деньги, это очень сложно, а именно вот из чувства неполной удовлетворенности — видимо, неспособна Америка дать ощущение принадлежности к чему-то важному, имеющему мировое значение. Другое дело, что эти люди, может быть, мешают здесь — и вовсе не надо, чтобы они сюда приезжали, ха-ха-ха!..